

Даже если Чжи Гэ понимал, что, даже вернув человека на родину, наследие техники меча клана Линь, скорее всего, обречено на исчезновение.

Ведь Линь Юй когда-то не выбрал путь наследования семейного искусства владения мечом, и в будущем это вряд ли изменится.

Даже несмотря на то, что Чжи Гэ спас ему жизнь.

Таким образом, эта поездка Чжи Гэ не преследовала никаких личных целей.

— Где это? — спросил Чэнь Циньцин.

Чжи Гэ на мгновение задумался, затем быстро назвал название больницы, и Чэнь Циньцин направил машину туда.

По прибытии в больницу они вместе вышли из машины и последовали за Чжи Гэ к палате.

Войдя в палату, они увидели лежащего на кровати пожилого человека с кислородной трубкой, чьи жизненные показатели были крайне слабыми.

Линь Юй подошел к кровати, опустился на колени и с глубоким раскаянием в голосе произнес:

— Дедушка, твой недостойный внук вернулся.

Услышав голос Линь Юя, старик медленно открыл глаза. Увидев Линь Юя, он перевел взгляд на Чжи Гэ и поблагодарил его за то, что тот вернул его внука.

Чжи Гэ слегка кивнул и вместе с Чэнь Циньцином покинул палату.

Сейчас лучше оставить это время для них двоих — деда и внука.

Выйдя из палаты, Чжи Гэ выглядел подавленным, сидел на стуле, опустив голову, и молчал.

Чэнь Циньцин спокойно наблюдал за ним, затем поднял руку и легонько похлопал его по плечу.

В тот момент, когда они вошли в палату, Чэнь Циньцин окончательно понял, почему Чжи Гэ отказался от поиска других преемников и согласился на просьбу старика отправиться в чужую страну.

Чжи Гэ испытывал глубокое уважение к тем, кто смог сохранить древние боевые искусства до наших дней.

Эти наследники отличались от таких школ, как Удан и Шаолинь, которые уже стали частью национальной культуры. У них не было прочной почвы, чтобы дожидаться момента, когда их искусство расцветет.

Это делало передачу их семейных или клановых боевых искусств чрезвычайно трудной.

Более того, их боевые искусства в этом мире даже не имели имени.

Для большинства людей их искусства были просто «ушу».

Передать эти знания, известные только им самим, можно было только благодаря собственной

вере и преданности.

То, что они сохранились до сегодняшнего дня, уже было невероятным достижением, достойным уважения.

Чжи Гэ испытывал это уважение не только к старику Линю, но и ко всем предыдущим поколениям наследников.

Точно так же он понимал, почему старик Линь не передал технику меча клана Линь своему внуку.

В это свободное время каждый делает свой выбор, и Линь Юй выбрал путь врача.

Техника меча клана Линь больше не была нужна в этом мире.

Лучше уж ей было уйти в небытие вместе с ним, чем стать обузой для его внука.

Открытость мышления старика Линя проявлялась в том, что он позволил Линь Юю отправиться в такое опасное место.

Однако для Чжи Гэ было особенно тяжело наблюдать, как техника меча клана Линь исчезает на его глазах.

Они все прекрасно понимали, что жизнь старика Линя подошла к концу.

Он до сих пор не испустил последний вздох, скорее всего, лишь потому, что его сердце было привязано к Линь Юю, находившемуся за границей, и он хотел увидеть внука в последний раз.

Теперь, когда Линь Юй вернулся, у старика больше не осталось привязанностей...

И действительно, вскоре они услышали плач Линь Юя, доносящийся из палаты.

Чэнь Циньцин взглянул на Чжи Гэ и увидел, как тот резко поднял голову, устремив взгляд на дверь палаты. Осознав происходящее, он медленно опустил глаза и снова опустил голову.

Не только Чжи Гэ, но и нелегальная система древних боевых искусств чувствовала то же самое.

С того момента, как Чэнь Циньцин встретил Чжи Гэ, он не слышал ни слова от нелегальной системы, что явно не соответствовало ее характеру.

Те, кто поклялся возродить древние боевые искусства, хотели видеть их расцвет в этом мире, но теперь они наблюдали, как одно из них угасает на их глазах...

Что они чувствовали в этот момент, могли понять только они сами.

Даже Чэнь Циньцин не мог этого понять, он мог лишь тихо вздыхать за них обоих.

Вскоре прибыли врачи...

Когда они снова увидели Линь Юя, его лицо было переполнено печалью.

Он посмотрел на неподвижно сидящего Чжи Гэ и протянул ему трактат меча клана Линь.

Чжи Гэ, увидев трактат, оказавшийся прямо перед ним, сузил глаза и поднял взгляд на Линь Юя.

— Дедушка велел передать это тебе, — хриплым голосом произнес Линь Юй.

Чжи Гэ на мгновение застыл, затем его взгляд снова упал на трактат.

То, что старик Линь держал этот трактат при себе в последние мгновения жизни, говорило о его огромной значимости для него.

Но перед смертью старик велел передать этот семейный трактат Чжи Гэ...

Линь Юй, видя, что Чжи Гэ не двигается, добавил:

— Я больше не смогу учиться этому искусству. У меня теперь своя жизнь, и...

Он замолчал, затем с горькой улыбкой продолжил:

— Я сам когда-то отказался от него, и теперь у меня нет права снова взять его в руки...

— Дедушка сказал, что только в твоих руках этот трактат сможет обрести надежду...

— Ты — его истинный владелец, его предназначение...

Линь Юй пристально смотрел на Чжи Гэ:

— Только ты сможешь заставить технику меча клана Линь снова засиять.

Чэнь Циньцин взглянул на Линь Юя. Несомненно, хотя дед Линь Юя не позволил ему изучать их семейное искусство, он все же не хотел, чтобы оно исчезло.

Поскольку надежда на то, что Линь Юй унаследует технику меча клана Линь, была потеряна, теперь дед хотел, чтобы их искусство снова возродилось в мире, передав его Чжи Гэ, мечтавшему о возрождении древних боевых искусств.

Только Чжи Гэ, возможно, сможет продолжить передачу техники меча клана Линь.

Кому в итоге достанется их искусство, уже не имело значения, это было решение Чжи Гэ.

Когда они решили передать трактат Чжи Гэ, это означало, что семья Линь отпустила свое искусство, оставив его на усмотрение Чжи Гэ.

Ведь, передав трактат, они не могли вмешиваться в его использование, ссылаясь на то, что это их семейное искусство.

Самое главное, Чжи Гэ был человеком, которому можно было доверять.

Если техника меча клана Линь в конечном итоге не найдет преемника, они смирятся с этим.

Ведь без Чжи Гэ конец их искусства был бы предрешен — оно ушло бы в небытие вместе с дедом Линь Юя.

Это лишь означало бы, что их искусство обречено на исчезновение.

Как наследник техники меча клана Линь, Линь Юй, конечно, не мог упрекать Чжи Гэ.

Если бы кто-то и был достоин упреков, то это он сам, наследник их искусства.

Поэтому Линь Юй передал трактат Чжи Гэ с чувством благодарности.

Этот трактат был воплощением веры многих поколений.

Он понимал, что не сможет вынести его тяжесть.

Хотя Линь Юй не сказал этого прямо, его слова были достаточно ясны для Чжи Гэ.

Хотя перед ним был лишь неполный трактат, а у него самого был более полный вариант, Чжи Гэ все же протянул руку и взял трактат из рук Линь Юя.

Ведь этот трактат, передававшийся на протяжении многих лет, уже был не просто учебником по бою.

Чжи Гэ принимал в свои руки нечто гораздо большее, чем просто трактат.

Авторские комментарии:

Я хочу скорректировать свой режим дня! (прячет лицо)

Благодарности:

Спасибо моим маленьким ангелам, которые подарили мне «земные громы» или полили питательным раствором!

Спасибо за брошенный [земной гром]: Сякурагава — 1 шт.

Спасибо за полив [питательным раствором]:

Сякурагава — 40 бутылок;

Синьхуань — 11 бутылок;

Кань Ачи Коул — 10 бутылок;

Шицзянь Фаньхуа Буго Идо — 1 бутылка.

Огромное спасибо всем за поддержку, я буду продолжать стараться!

<http://bllate.org/book/16138/1445326>